

> МАТИС ТРАЛЪ >

ДЖЕЙМС ДЖОЙС

Портрет художника
в юности

Москва
2024

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д42

James Joyce
A PORTRAIT OF THE ARTIST AS A YOUNG MAN

Перевод с английского *Марии Богословской*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Джойс, Джеймс.

Д42 Портрет художника в юности / Джеймс Джойс ; [перевод с английского М. Богословской]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-196589-1

Джеймс Джойс — классик англо-ирландской литературы, оказавший колоссальное влияние на прозу XX века. В историю мировой литературы он вошел как автор романа «Улисс», ставшего образчиком модернизма и положившего начало литературе «потока сознания».

Знаменитый роман Джойса «Портрет художника в юности» — одно из самых значимых произведений литературы XX века. С необычайной остротой и яркостью автор рисует внутренний мир молодого человека, одинокого поэта и философа Стивена Дедала, в котором легко угадывается сам автор.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© М. Богословская, перевод на русский язык, наследники, 2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-196589-1

Et ignotas animum dimittit in artes.

Ovid, *Metamorphoses*, VIII, 18¹

¹ И к ремеслу незнакомому дух устремил (*лат.*).
Овидий. *Метаморфозы*, VIII, 18.

1

Однажды, давным-давно, в старое доброе время, шла по дороге коровушка Му-му, шла и шла и встретила на дороге хорошенького-прехорошенького мальчика, а звали его Бу-бу...¹

Папа рассказывал ему эту сказку, папа смотрел на него через стеклышко. У него было волосатое лицо.

Он был мальчик Бу-бу. Му-му шла по дороге, где жила Бетти Берн²: она продавала лимонные леденцы.

О, цветы дикой розы
На зеленом лугу.³

Он пел эту песню. Это была его песня.

О, таритатам лозы...

¹ Папа рассказывал ему эту сказку — ср. в письме Джона Джойса автору, 31 января 1931 г.: «Помнишь ли ты старые времена на Брайтон-сквер, когда ты был мальчик бу-бу, а я тебя водил в скверик и рассказывал про му-му, которая приходит с гор и забирает малышей».

² *Бетси Берн* — Берн — фамилия университетского друга Джойса, послужившего прототипом Крэнли (гл. 5).

³ *О, цветы дикой розы...* — старинная ирл. сентиментальная песня «Лили Дэйл».

Когда намочишь в постельку, сначала делается горячо, а потом холодно. Мама подкладывает клеенку. От нее такой чудной запах.

От мамы пахнет приятнее, чем от папы. Она играет ему на рояле матросский танец, чтобы он плясал. Он плясал:

Тра-ля-ля, ля-ля.

Тра-ля-ля, тра-ля-ля-ди.

Тра-ля-ля, ля-ля.

Тра-ля-ля, ля-ля.

Дядя Чарльз и Дэнти¹ хлопали в ладоши. Они старше папы и мамы, но дядя Чарльз еще старше Дэнти.

У Дэнти в шкафу две щетки. Щетка с коричневой бархатной спинкой в честь Майкла Дэвитта, а щетка с зеленой бархатной спинкой в честь Парнелла. Дэнти давала ему мятный леденец всякий раз, когда он приносил ей бумажную салфетку.

Вэнсы жили в доме семь. У них другие папы и мамы. Это папа и мама Эйлин². Когда они вырастут большие, он женится на Эйлин. Он спрятался под стол. Мама сказала:

— Проси прощенья, Стивен.

Дэнти сказала:

— А не попросишь, прилетит орел и выклюет тебе глаза.

И выклюет тебе глаза,

Проси прощенья, егоза,

¹ Дядя Чарльз и Дэнти — прототип дяди Чарльза — Уильяма О'Коннелла из Корка, двоюродный дед автора, живший в семье Джойсов в 1887–1893 гг.

² Эйлин — дочка соседей Джойсов, живших в доме 4 (а не 7) на Мартелло-террас в 1887–1891 гг.; именно она написала Джойсу, когда он был в Клонгоузе, письмо со стишком, который варьирует Леопольд Блум в «Калипсо».

Проси прощенья, егоза,
И выключает тебе глаза.

Проси прощенья, егоза,
И выключает тебе глаза,
И выключает тебе глаза,
Проси прощенья, егоза.

* * *

На больших спортивных площадках толпились мальчишки. Все кричали, и воспитатели их громко подбадривали. Вечерний воздух был бледный и прохладный, и после каждой атаки и удара футболистов лоснящийся кожаный шар, как тяжелая птица, взлетал в сером свете. Он топтался в самом хвосте своей команды, подальше от воспитателя, подальше от грубых ног, и время от времени делал вид, что бежит. Он чувствовал себя маленьким и слабым среди толпы играющих¹, и глаза у него были слабые и слезились. Роди Кикем не такой: он будет капитаном третьей команды, говорили мальчишки.

Роди Кикем хороший мальчик, а Вонючка Роуч — противный. У Роди Кикема щитки для ног в шкафу в раздевалке и корзинка со сладостями в столовой. У Вонючки Роуча огромные руки. Он говорит, что постный пудинг — это месиво в жиге. А как-то раз он спросил:

— Как тебя зовут?

Стивен ответил:

— Стивен Дедал.

А Вонючка Роуч сказал:

¹ Он топтался в самом хвосте... чувствовал себя маленьким и слабым — явный уход от автобиографичности. Джойс мальчиком был весел и боек, хорошо физически развит и не раз завоевывал призы в спорте, хотя и не терпел грубых видов его — бокс, борьбу, регби.

— Что это за имя?

И когда Стивен не нашелся, что ответить, Вонючка Роуч спросил:

— Кто твой отец?

Стивен ответил:

— Джентльмен.

Тогда Вонючка Роуч спросил:

— А он не мировой судья?

Он топтался в самом хвосте своей команды, делая иногда короткие перебежки. Руки его посинели от холода. Он засунул их в боковые карманы своей серой подпоясанной куртки. Пояс — это такая штука над карманами. А вот в драке о тех, кто победил, говорят: за пояс заткнул.

Как-то один мальчик сказал Кэнтуэллу:

— Я бы тебя мигом за пояс заткнул.

А Кэнтуэлл ответил:

— Поди тягайся с кем-нибудь еще. Попробуй-ка Сесила Сандера¹ за пояс заткнуть. Я посмотрю, как он тебе даст под зад.

Так некрасиво выражаться. Мама сказала, чтобы он не водился с грубыми мальчиками в колледже. Мама такая красивая. В первый день в приемной замка² она, когда прощалась с ним, слегка подняла свою вуаль, чтобы поцеловать его, и нос и глаза у нее были красные. Но он притворился, будто не замечает, что она сейчас расплчется. Мама красивая, но когда она плачет, она уже не такая красивая. А папа дал ему два пятишиллинговика — пусть у него будут карманные деньги. И папа

¹ *Роди, Кикем, Роуч, Кэнтуэлл, Сесил Сандер...* — из 22 упоминаемых в романе соучеников Стивена в Клонгоузе почти все носят имена и фамилии реальных соучеников автора.

² *В приемной замка* — главным зданием колледжа Клонгоуз был замок, купленный орденом иезуитов в 1813 г.

сказал, чтобы он написал домой, если ему что-нибудь понадобится, и чтобы он ни в коем случае не ябедничал на товарищей. Потом у двери ректор пожал руки папе и маме, и сутана его разведалась на ветру, а коляска с папой и мамой стала отъезжать. Они махали руками и кричали ему из коляски:

— Прощай, Стивен, прощай.

— Прощай, Стивен, прощай.

Вокруг него началась свалка из-за мяча, и, страшась этих горящих глаз и грязных башмаков, он нагнулся и стал смотреть мальчикам под ноги. Они дрались, пыхтели, и ноги их топали, толкались и брыкались. Потом желтые ботинки Джека Лотена наподдали мяч и все другие ботинки и ноги ринулись за ним. Он пробежал немножко и остановился. Не стоило бежать. Скоро все поедут домой. После ужина, в классе, он переправит число, приклеенное у него в парте, с семидесяти семи на семьдесят шесть.

Лучше бы сейчас быть в классе, чем здесь, на холоде. Небо бледное и холодное, а в главном здании, в замке, огни. Он думал, из какого окна Гамильтон Роуэн бросил свою шляпу на изгородь¹ и были ли тогда цветочные клумбы под окнами. Однажды, когда он был в замке, тамошний служитель показал ему следы солдатских пуль на двери и дал ореховый сухарик, какие едят в общине. Как хорошо и тепло смотреть на огни в замке. Совсем как в книжке. Может быть, Лестерское аббатство было такое. А какие хорошие фразы были в учебнике д-ра Корнуэлла. Они похожи на стихи, но это только примеры, чтобы научиться писать правильно:

¹ *Гамильтон Роуэн* (1751–1834) — сподвижник Вулфа Тона, скрывавшийся после поражения восстания 1798 г. в замке Клонгоуз; бросив свою шляпу из окна на ограду замка, он заставил преследователей решить, что он покинул замок.

Уолси умер в Лестерском аббатстве,
 Где погребли его аббаты,
 Растения съедают черви,
 Животных съедает рак.

Хорошо бы лежать сейчас на коврике у камина, подперев голову руками, и думать про себя об этих фразах. Он вздрогнул, будто по телу пробежала холодная липкая вода. Подло было со стороны Уэллса столкнуть его в очко уборной за то, что он не захотел обменять свою маленькую табакерку на игральную кость, которой Уэллс выиграл сорок раз в бабки. Какая холодная и липкая была вода!¹ А один мальчик раз видел, как большая крыса прыгнула в жижу. Мама с Дэнти сидели у камина и дожидались, когда Бриджет подаст чай. Мама поставила ноги на решетку, и ее вышитые бисером ночные туфли нагрелись, и от них так хорошо и тепло пахло. Дэнти знала массу всяких вещей. Она учила его, где находится Мозамбикский пролив, и какая самая длинная река в Америке, и как называется самая высокая гора на Луне. Отец Арнолл² знает больше, чем Дэнти, потому что он священник, но папа и дядя Чарльз оба говорили, что Дэнти умная и начитанная женщина. А иногда Дэнти делала такой звук после обеда и подносила руку ко рту: это была отрыжка.

Голос с дальнего конца площадки крикнул:

— Все домой!

Потом голоса из младших и средних классов подхватили³:

¹ *Столкнуть его в очко уборной* — злоключение, постигшее классика весной 1891 г.

² *Отец Арнолл* — о. Уильям Пауэр, инспектор младших классов.

³ *Из младших и средних классов* — в Клонгоузе младшие классы (три, из которых два были приготовительными) включали детей до 13 лет, средние — с 13 до 15, старшие — с 15 до 18 лет.

— Домой! Все домой!

Мальчики сходились со всех сторон раскрасневшиеся и грязные, и он шагал среди них, радуясь, что идут домой. Роди Кикем держал мяч за скользкую шнуровку. Один мальчик попросил поддать еще напоследок, но он шел себе и даже ничего не ответил. Саймон Мунен сказал, чтобы он этого не делал, так как на них смотрит надзиратель. Тогда тот мальчик повернулся к Саймону Мунену и сказал:

— Мы все знаем, почему ты так говоришь. Ты известный подлиза.

Какое странное слово «подлиза». Мальчик обозвал так Саймона Мунена потому, что Саймон Мунен связывал иногда фальшивые рукава на спине надзирателя Макглэйда, а тот делал вид, что сердится. Противный звук у этого слова. Однажды он мыл руки в уборной гостиницы на Уиклоу-стрит, а потом папа вынул пробку за цепочку и грязная вода стала стекать через отверстие в раковине. А когда она вся стекла потихоньку, отверстие в раковине сделало такой звук: *длисс*. Только громче.

Он вспоминал это и белые стены уборной, и ему делалось сначала холодно, а потом жарко. Там было два крана, которые надо было повернуть, и тогда шла вода холодная и горячая. Ему сделалось сначала холодно, а потом чуть-чуть жарко. И он видел слова, напечатанные на кранах. В этом что-то было чудное.

В коридоре был тоже холодный воздух. Он был сыроватый и чудной. Но скоро зажгут газ, и он будет тихонечко так петь, точно какую-то песенку. Все одну и ту же, и, когда мальчики не шумят в рекреационном зале, ее слышно.

Урок арифметики начался. Отец Арнолл написал на доске трудный пример и сказал:

— Ну, кто победит? Живей, Йорк! Живей, Ланкастер!

Стивен старался изо всех сил, но пример был очень трудный, и он сбился. Маленький шелковый значок с белой розой, приколотый к его куртке на груди, начал дрожать. Он был не очень силен в арифметике, но старался изо всех сил, чтобы Йорки не проиграли. Отец Арнолл сделал очень строгое лицо, но он вовсе не сердился, он смеялся. Вдруг Джек Лотен хрустнул пальцами, и отец Арнолл посмотрел в его тетрадку и сказал:

— Верно. Bravo, Ланкастер! Алая роза победила. Не отставай, Йорк! Ну-ка поднатужьтесь.

Джек Лотен поглядывал на них со своего места. Маленький шелковый значок с алой розой казался очень нарядным на его синей матроске. Стивен почувствовал, что его лицо тоже покраснело, когда он вспомнил, как мальчишки держали пари, кто будет первым учеником: Джек Лотен или он. Были недели, когда Джек Лотен получал билет первого ученика, а были недели, когда он получал билет первого ученика. Его белый шелковый значок дрожал и дрожал все время, пока он решал следующий пример и слушал голос отца Арнолла. Потом все его рвение пропало и он почувствовал, как лицо у него сразу похолодело. Он подумал, что оно, должно быть, стало совсем белым, раз так похолодело. Он не мог решить пример, но это было не важно. Белые розы и алые розы: какие красивые цвета! И билеты первого, второго и третьего ученика тоже очень красивые: розовые, бледно-желтые и сиреневые. Бледно-желтые, сиреневые и розовые розы тоже красивые. Может быть, дикие розы как раз такие; и ему вспомнилась песенка о цветах дикой розы на зеленом лугу. А вот зеленых роз не бывает. А может быть, где-нибудь на свете они и есть.

Раздался звонок, и все классы потянулись один за другим по коридорам в столовую. Он сидел и смотрел на два кусочка масла у своего прибора, но не мог есть липкий хлеб. И скатерть была влажная и липкая. Но он

проглотил залпом горячий жидкий чай, который плеснул ему в кружку неуклюжий слуга в белом фартуке. Вонючка Роуч и Сорин пили какао, которое им присылали из дома в жестяных коробках. Они говорили, что не могут пить этот чай, он как помои. У них отцы — мировые судьи, говорили мальчики.

Все мальчики казались ему очень странными. У них у всех были папы и мамы и у всех разные костюмы и голоса. Ему так хотелось очутиться дома и положить голову маме на колени. Но это было невозможно, и тогда ему захотелось, чтобы игры, уроки и молитвы уже кончились и он бы лежал в постели.

Он выпил еще кружку горячего чая, а Флеминг спросил:

— Что с тобой? У тебя что-нибудь болит?

— Я не знаю, — сказал Стивен.

— Наверное, живот болит, — сказал Флеминг, — от этого ты и бледный такой. Ничего, пройдет.

— Да, — согласился Стивен.

Но у него болел не живот. Он подумал, что у него болит сердце, если только это место может болеть. Флеминг очень добрый, что спросил его. Ему хотелось плакать. Он положил локти на стол и стал зажимать, а потом открывать уши. Тогда всякий раз, как он открывал уши, он слышал шум в столовой. Это был такой гул, как от поезда ночью. А когда он зажимал уши, гул затихал, как будто поезд входил в туннель. В ту ночь в Долки поезд гудел вот так, а потом, когда он вошел в туннель, гул затих. Он закрыл глаза, и поезд пошел — гул, потом тихо, снова гул — тихо. Приятно слышать, как он гудит, потом затихает, и вот опять выскочил из туннеля, гудит, затих.

Потом мальчики с первого ряда построились и пошли по дорожке посреди столовой, Падди Рэт, и Джимми Маги, и испанец, которому разрешалось курить сигары,